

18+

Мохаммед Джамаль Хаир

ЧУДО ВЫЖИВАНИЯ

Психологическая драма

Мохаммед Хаир

**Чудо выживания.
Психологическая драма**

«Издательские решения»

Хаир М. Д.

Чудо выживания. Психологическая драма / М. Д. Хаир —
«Издательские решения»,

Мохаммед выжил в авиакатастрофе и провел 15 лет на необитаемом острове, сохранив веру в Аллаха. Вернувшись домой, он обнаружил, что его семья утонула в цифровом шуме и потеряла связь друг с другом. Теперь ему предстоит спасти свою семью не от океана, а от бездушного современного мира. Глубокая и вдохновляющая история о силе духа, вере и возвращении к себе.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чудо выживания. Психологическая драма

Мохаммед Джамаль Хаир

© Мохаммед Джамаль Хаир, 2026

ISBN 978-5-0070-5300-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Самолёт летел на высоте десять тысяч метров, разрезая облака, словно огромный серебряный нож. Мохаммед сидел у иллюминатора, глядя на бескрайнюю синеву океана внизу. Ему было сорок два года, и он возвращался домой после долгой командировки. Жена и двое детей ждали его. Он обещал привезти подарки.

В салоне было тихо. Пассажиры дремали, читали, смотрели фильмы. Стюардессы разносили напитки. Всё казалось обычным, нормальным, безопасным.

Мохаммед закрыл глаза. Он устал. Три недели вдали от дома, переговоры, контракты, бессонные ночи. Он мечтал только об одном: обнять жену, поцеловать детей, сесть за семейный ужин.

Он не знал, что через десять минут его жизнь изменится навсегда.

Сначала был лёгкий толчок. Почти незаметный. Будто самолёт наехал на кочку. Мохаммед открыл глаза. Посмотрел в иллюминатор. Ничего необычного. Облака, океан, небо.

Потом толчок повторился. Сильнее. Чашка с кофе на столике дрогнула. Кофе расплескался.

В салоне стало тихо. Слишком тихо. Пассажиры перестали разговаривать. Кто-то нервно засмеялся. Кто-то посмотрел на стюардессу.

Мохаммед почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не страх. Предчувствие.

Он был мусульманином. Верующим. Не фанатиком, но человеком, который знал: всё в руках Аллаха. Он всегда начинал день с молитвы. Всегда благодарил за каждый вдох. Всегда помогал тем, кто нуждался. Жена говорила ему: «Ты слишком добрый. Мир не всегда отвечает добром на добро.» Он улыбался: «Я делаю добро не ради ответа. Я делаю его ради Аллаха.»

Самолёт дрогнул снова. На этот раз сильно. Потолок заскрипел. Лампы мигнули.

Капитан вышел из кабины. Лицо бледное. Голос дрожащий.

— Дамы и господа, у нас технические неполадки. Просьба пристегнуть ремни. Принять положение для экстренной посадки.

Паника. Не сразу. Сначала шёпот. Потом крики. Плач. Молитвы.

Мохаммед пристегнул ремень. Закрыл глаза. Прошептал: «Бисмиллях. Альхамдулиллях. Аллаху Акбар.»

Он не боялся смерти. Боялся оставить семью. Детей, которые вырастут без отца. Жену, которая будет плакать каждую ночь.

Самолёт начал падать.

Не плавно. Резко. Нос опустился. Хвост поднялся. Пассажиры закричали. Багаж посыпался с полок. Чемоданы летели по проходу.

Мохаммед держался за подлокотники. Сильно. До боли в пальцах. Он молился. Не словами. Сердцем.

«Аллах, если это мой конец, прими меня с миром. Если нет — спаси. Я доверяю Тебе. Полностью. Без условий.»

Океан приближался. Быстро. Слишком быстро.

Удар.

Громкий. Резкий. Разрывающий.

Самолёт коснулся воды. Нос оторвался. Хвост взлетел. Вода хлынула в салон. Холодная. Тёмная. Беспощадная.

Мохаммед почувствовал, как ремень врезался в грудь. Воздух закончился. Вода поднялась до пояса. До груди. До шеи.

Он боролся. Не с водой. С паникой. С инстинктом, который кричал: «Плыви! Спасайся! Беги!»

Но он не бежал. Он дышал. Глубоко. Медленно. Вспоминал аят из Корана: «Аллах не возлагает на душу сверх того, что она может вынести.»

Вода поднялась выше. Закрыла иллюминатор. Темнота.

Мохаммед отстегнул ремень. Поплыл. Не знал куда. Просто плыл. Вверх. К свету. К воздуху. К жизни.

Его рука коснулась чего-то твёрдого. Обломок. Кресло. Он ухватился. Держался.

Вокруг кричали. Тонули. Молились. Молчали.

Мохаммед закрыл глаза. Снова прошептал: «Аллах, спаси.»

И почувствовал, как что-то толкнуло его. Не волна. Сила. Мягкая. Уверенная.

Он открыл глаза.

Свет.

Яркий. Ослепительный.

Солнце.

Он лежал на песке. Тёплом. Мягком. Живом.

Вокруг — тишина. Только шум волн. Крик чаек. Шелест пальм.

Мохаммед сел. Медленно. Больно. Всё тело ныло. Но он был жив.

Он посмотрел вокруг. Остров. Небольшой. Пальмы. Кустарники. Песок. Вода. Небо.

Никого. Только он.

Он встал. Шатаясь. Пошёл к воде. Упал на колени. Начал плакать. Не от горя. От благодарности.

«Аллах, — шептал он. — Спасибо. Спасибо, что спас. Спасибо, что дал шанс. Я не знаю, зачем. Но я доверяю Тебе.»

Он не знал, где находится. Не знал, как выбраться. Не знал, выживет ли.

Но знал одно: он не один.

Аллах с ним.

Всегда был. Всегда будет.

Мохаммед встал. Огляделся. Остров был небольшим. Может, километр в диаметре. Пальмы, кустарники, песок. В центре — небольшой холм. На вершине — камни. Будто кто-то сложил их специально.

Он пошёл к холму. Медленно. Ноги дрожали. Тело болело. Но он шёл.

На вершине он нашёл источник. Небольшой. Чистая вода била из-под камней. Он пил. Долго. Жадно. Вода была прохладной. Сладкой. Живой.

«Аллах не забыл меня, — подумал он. — Он дал мне воду. Здесь, посреди океана.»

Он сел у источника. Закрыв глаза. Молился. Не просил спасения. Просил силы. Силы выжить. Силы принять. Силы доверять.

Когда он открыл глаза, солнце уже садилось. Небо стало розовым. Океан — золотым.

Мохаммед встал. Нужно было найти укрытие. Ночь приближалась.

Он спустился с холма. Пошёл вдоль берега. Нашёл пещеру. Небольшую. Сухую. Защищённую от ветра.

Внутри было темно. Но безопасно.

Он собрал ветки. Сухие. Лёгкие. Развёл костёр. Огонь вспыхнул быстро. Будто кто-то помог ему. Будто ветер сам раздул пламя.

Мохаммед сел у огня. Смотрел на пламя. Думал.

Он не знал, сколько продлится его пребывание здесь. День? Неделя? Год?

Но знал: он выживет. Не потому что сильный. Потому что Аллах с ним.

Он лёг спать. На песок. Под звёздами. Впервые за долгие годы — без тревоги. Без плана. Без контроля.

Просто доверие.

Утром он проснулся от солнца. Яркого. Тёплого. Живого.

Встал. Вышел из пещеры. Посмотрел на океан. Бескрайний. Синий. Спокойный.

Он не знал, придёт ли помощь. Не знал, увидит ли он снова жену и детей.

Но знал: каждый день — дар. Каждый вдох — милость. Каждая минута — возможность быть благодарным.

Мохаммед улыбнулся. Впервые за долгое время — искренне.

«Аллах, — прошептал он. — Я здесь. Я жив. Я готов. Веди меня. Куда бы Ты ни вёл.»

И пошёл. В неизвестность. С верой. С надеждой. С доверием.

Остров ждал его. Океан ждал его. Жизнь ждала его.

И он был готов.

Не потому что знал ответы.

Потому что доверял Тому, Кто знает всё.

ГЛАВА 2

Первые дни на острове были самыми трудными. Не физически. Психологически. Мохаммед просыпался каждое утро с мыслью: «Я один». И эта мысль била его, как удар в грудь. Но потом он вспоминал: «Нет. Аллах со мной.» И боль утихала.

Он начал исследовать остров. Систематично. Не торопясь. Как человек, который знает: время теперь его союзник, не враг.

Остров оказался больше, чем он думал. Может, два километра в длину, километр в ширину. Форма — как полумесяц. С одной стороны — пологий берег с песком. С другой — скалы, обрывистые, неприступные.

В центре — холм. На холме — источник. Вокруг — пальмы. Много пальм. Кокосовых. Он научился их различать. Молодые — с зелёными орехами. Старые — с коричневыми.

Кокосы стали его едой. Он разбивал их камнем. Пил воду. Ел мякоть. Вкус был странным поначалу. Но потом он привык. Тело требовало пищи. И Аллах дал ему пищу.

Он нашёл также дикие ягоды. Маленькие. Красные. Росли на кустах у подножия холма. Он попробовал одну. Потом другую. Не отравило. Значит, можно есть. Они были кислыми. Но съедобными.

Рыбу он ловил руками. Поначалу не умел. Сидел у воды. Смотрел. Ждал. Рыбы уплывали. Но он не сдавался.

На четвёртый день он понял принцип. Нужно быть терпеливым. Не двигаться. Ждать, пока рыба подплывёт близко. И тогда — быстро. Как молния.

Он поймал первую рыбу. Маленькую. Серебристую. Держал в руках. Смотрел. Рыба билась. Живая.

Мохаммед колебался. Убить её? Он никогда не убивал. Не считая мух и комаров.

Но это не муха. Это еда. Это жизнь. Его жизнь.

Он вспомнил аят: «Ешьте из того, чем Аллах наделил вас.»

Закрыв глаза. Прошептал: «Бисмиллях.»

Разбил рыбу о камень. Быстро. Чтобы не мучилась.

Потом развёл огонь. Испёк рыбу на углях.

Когда он ел, слёзы текли по щекам. Не от горя. От благодарности.

Это была первая еда, которую он приготовил сам. Своими руками. Своей верой. Своим доверием к Аллаху.

Он понял: выживание — это не только тело. Это душа. Это дух. Это вера.

Каждое утро он молился. Facing в сторону, где, как он думал, была Мекка. Он не был уверен. Но Аллах знает направление сердец.

Он молился Фаджр. Потом Духа. Потом Зухр. Аср. Магриб. Иша.

Не всегда идеально. Иногда без омовения, потому что вода была нужна для питья. Но он старался.

Аллах не требует невозможного. Он требует искренности.

Мохаммед вёл дневник. Не на бумаге. На песке. Палкой он писал даты. Дни. Свои мысли.

«День 7. Аллах дал мне рыбу. Я благодарен.»

«День 12. Нашёл пещеру глубже. Там сухо. Безопасно. Я перееду туда.»

«День 15. Видел корабль вдалеке. Кричал. Махал. Не заметили. Не расстраиваюсь. Аллах знает лучше. Если не спасли — значит, не время.»

Он не отчаивался. Это было его правилом. Нет, не правилом. Верой.

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение) сказал: «Удивительно положение верующего! Всё у него хорошо. И это свойственно только верующему. Если постигает его радость, он благодарит, и это для него благо. Если же постигает его горе, он проявляет терпение, и это тоже для него благо.»

Мохаммед повторял эти слова каждый день. Как мантру. Как напоминание.

Он благодарил за всё. За воду. За еду. За солнце. За дождь. За тишину. За одиночество.

Особенно за одиночество.

Потому что в одиночестве он слышал себя. Свой голос. Свою душу. Своё сердце.

До аварии он жил быстро. Работа. Дом. Работа. Дом. Выходные — усталость. Отпуск — суета.

Он редко молился. Редко читал Коран. Редко думал о вечном.

Теперь у него было всё время мира. И он использовал его. Для того, для чего оно создано. Для поминания Аллаха.

Он читал аяты наизусть. Те, что помнил с детства. «Альхамдулилляхи раббиль алямин.» «Ар-рахманир-рахим.» «Малики яумид-дин.»

Каждое слово звучало иначе. Глубже. Сильнее. Будто он читал их впервые.

Он плакал. Часто. Не от горя. От близости. От ощущения, что Аллах рядом. Говорит с ним. Через ветер. Через волны. Через тишину.

Однажды ночью он проснулся от звука. Не ветра. Не волн. Шагов.

Он сел. Прислушался.

Шаги. Медленные. Тяжёлые.

Кто-то был на острове.

Мохаммед схватил палку. Вышел из пещеры.

Никого.

Только следы на песке. Большие. Глубокие.

Он пошёл по следам. Они вели к источнику.

У источника он увидел что-то странное.

Фрукты. Кокосы. Ягоды. Всё было сложено аккуратно. Будто кто-то оставил дар.

Но никого не было.

Мохаммед огляделся. Пальмы. Скалы. Вода. Пусто.

Он понял: это Аллах. Это Его милость. Его знак.

«Ты не один, — будто шептал ветер. — Я с тобой. Я забочусь о тебе.»

Мохаммед упал на колени. Плакал. Долго. Искренне.

«Аллах, — шептал он. — Прости меня. За то, что забыл Тебя. За то, что жил, будто Ты далеко. За то, что искал счастье не там.»

Он простил себя. В ту ночь. За всё. За ошибки. За грехи. За упущенное время.

Аллах милостив. Он прощает тех, кто искренне раскаивается.

С той ночи Мохаммед изменился. Не физически. Внутренне.

Он стал легче. Свободнее. Счастливее.

Не потому что ситуация улучшилась. Он всё ещё был один на острове. Не было связи. Не было надежды на скорое спасение.

Но он понял: спасение — не в месте. В состоянии сердца.

Если сердце спокойно с Аллахом — ты свободен. Где бы ты ни был.

Если сердце тревожно без Аллаха — ты в тюрьме. Даже в раю.

Он начал учить остров. Каждый уголок. Каждый камень. Каждое дерево.

Нашёл место, где росли дикие овощи. Похоже на шпинат. Он собирал листья. Ел сырыми. Варил в кокосовой воде.

Нашёл ракушки. Большие. Острые. Сделал из них ножи. Резал кокосы. Чистил рыбу.

Нашёл лианы. Крепкие. Гибкие. Сплёл из них верёвки. Привязывал инструменты к поясу.

Он стал мастером. Не потому что хотел. Потому что пришлось.

Аллах учит нас тому, что нам нужно. Не тому, что мы хотим.

Однажды он увидел лодку. Настоящую. Деревянную. Прибило волнами к берегу.

Она была старой. Разбитой. Без вёсел. Без паруса.

Но Мохаммед обрадовался. Как ребёнок.

Он тащил её к пещере. Целый день. До заката.

Потом чинил. Неделями. Собирал доски. Заменял гнилые. Конопатил щели мхом и лианами.

Он не знал, сработает ли. Но старался.

«Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят того, что в их душах.»

Он менял себя. Свою душу. Своё терпение. Свою веру.

И Аллах менял его положение.

Через месяц лодка была готова. Не идеальная. Но плавучая.

Мохаммед вывел её в воду. Сел. Оттолкнулся.

Поплыл. Немного. Вдоль берега.

Лодка держалась. Не тонула. Не переворачивалась.

Он смеялся. Как сумасшедший.

«Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!»

Это была не просто лодка. Это был знак. Знак того, что Аллах не забыл его. Знак того, что выход есть. Всегда.

Он не уплыл в тот день. Не был готов. Не знал навигации. Не имел компаса. Не знал, где земля.

Но он знал: когда придёт время — Аллах покажет путь.

А пока — он ждёт. Готовится. Учится. Верит.

Каждый вечер он сидел у костра. Смотрел на звёзды.

Учился определять стороны света. По Полярной звезде. По восходу солнца. По движению волн.

Он читал книги. Не бумажные. Те, что помнил. Аяты. Хадисы. Истории пророков.

Особенно историю пророка Юнуса (мир ему).

Юнус оказался в чреве кита. В темноте. В одиночестве. Без надежды.

Но он не отчаивался. Он молился: «Нет божества, кроме Тебя! Преславен Ты! Поистине, я был из числа беззаконников.»

И Аллах спас его.

Мохаммед повторял эту молитву каждый день. Сотни раз.

«Ла илаха илла Анта, субханака, инни кунту миназ-залимин.»

Она стала его дыханием. Его пульсом. Его жизнью.

Он понял: Юнус был не наказан. Он был очищен. Подготовлен. Возвышен.

Так и он. Остров — не наказание. Это очищение. Подготовка. Возвышение.

Аллах не испытывает нас, чтобы сломать. Чтобы укрепить.

«Неужели люди полагают, что они будут оставлены, потому что####: „Мы уверовали“, и не будут испытаны?»

Мохаммед улыбался. Он был испытан. И он был благодарен.

Потому что в испытании он нашёл себя. Нашёл Аллаха. Нашёл смысл.

До аварии он был богат. Деньги. Дом. Машина. Карьера.

Но был ли он счастлив? Не по-настоящему.

Теперь у него ничего не было. Кроме веры. Воды. Еды. И времени.

И он был счастливее, чем когда-либо.

Потому что счастье — не в обладании. В благодарности.

Кто благодарен — тот богат. Даже если у него ничего нет.

Кто не благодарен — тот беден. Даже если у него всё есть.

Мохаммед выбрал благодарность. И Аллах увеличил его благо.

Каждый день он находил что-то новое. Новый источник. Новые фрукты. Новый путь.

Остров открывался ему. Как книга. Страница за страницей.

Он нашёл пещеру глубже. Там были наскальные рисунки. Древние. Люди. Лодки. Рыбы.

Кто-то был здесь до него. Давно. Может, сотни лет назад.

Они тоже выживали. Тоже верили. Тоже надеялись.

Мохаммед почувствовал связь. Не с ними. С человечеством. С историей. С вечностью.

Мы все путешественники. Все ищем дом. Все хотим быть спасёнными.

И Аллах спасает. По-разному. В разное время. Но всегда.

«Поистине, с каждой трудностью — облегчение.»

Мохаммед запомнил этот аят. Повторял его, когда было трудно.

А трудно было часто. Тело болело. Еда заканчивалась. Вода становилась мутной.

Но он не жаловался. Жалоба — это неверие в мудрость Аллаха.

Он благодарил. Даже за боль. Потому что боль напоминает: ты жив. Ты чувствуешь. Ты существуешь.

Однажды ночью ему приснился сон.

Жена. Дети. Дом. Они сидят за столом. Смеются. Ждут его.

Он проснулся со слезами. Не от тоски. От уверенности.

Он вернётся. Обязательно вернётся.

Аллах не разлучит их навсегда. Аллах милостив.

Он встал. Совершил омовение. Помолился.

Поблагодарил за сон. За надежду. За обещание встречи.

Утро пришло ясное. Тихое. Спокойное.

Мохаммед вышел из пещеры. Посмотрел на океан.

И увидел что-то. Вдалеке.

Парус.

Белый. Маленький. Но настоящий.

Корабль.

Он закричал. Замахал руками. Развёл костёр. Дым поднялся высоко.

Корабль повернул. К нему.

Мохаммед плакал. Смеялся. Молился.

«Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!»

Он не знал, кто на корабле. Не знал, спасут ли его. Не знал, что будет дальше.

Но знал: Аллах ответил на его молитву.

Не сразу. Не быстро. Но ответил.

Потому что Аллах не забывает. Никогда.

«Ваш Господь не забыл тебя.»

Мохаммед стоял на берегу. Ждал. Сердце билось быстро.

Он был готов. К чему угодно. К спасению. К новой жизни. К возвращению.

Но он также был готов остаться. Если такова воля Аллаха.

Потому что он научился главному:

Не место делает нас счастливыми. Не обстоятельства.

Аллах делает нас счастливыми. Где бы мы ни были. Что бы ни случилось.

И это знание — дороже всего.

Дороже золота. Дороже дома. Дороже жизни.

Это знание — свобода.

И Мохаммед был свободен.

Наконец-то.

ГЛАВА 3

Корабль приближался. Мохаммед стоял по пояс в воде, размахивая руками, крича до хрипоты. Огонь, который он развёл на вершине холма, дымил чёрным, густым столбом. Он знал, что дым виден за много миль. Он знал, что его заметили.

Белый парус становился всё больше. Он уже мог различить мачты, борта, даже фигуры людей на палубе. Сердце Мохаммеда билось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвёт грудь. Слезы текли по лицу, смешиваясь с солёной водой океана.

«Аллах, — шептал он, задыхаясь от волнения. — Аллах, это Твой ответ. Ты услышал меня.»

Но океан — это не только милость. Это ещё и сила. Сила, которая не подчиняется человеческим желаниям.

Когда корабль подошёл ближе, Мохаммед увидел проблему. Между островом и кораблём тянулась линия белых пенящихся волн. Рифы. Острые, как бритва, подводные камни, которые он знал слишком хорошо. Именно они, возможно, и погубили его самолёт. Именно они делали берег неприступным.

Корабль замедлил ход. Мохаммед видел, как люди на палубе суетятся. Кто-то указывал в его сторону. Кто-то бежал к борту. Они видели его. Они знали, что он здесь.

Мохаммед закричал ещё громче. Он бросился в воду, поплыл навстречу. Но волны были холодными и тяжёлыми. Они били его в грудь, толкали обратно к берегу. Он боролся, но рифы были ближе.

И тут небо потемнело.

Это произошло внезапно. Солнце, которое только что ярко светило, скрылось за свинцовыми тучами. Ветер изменился. Из лёгкого бриза он превратился в рёв. Волны поднялись. Не просто поднялись — они вздыбились, как разъярённые звери.

Мохаммед выбрался на берег, кашляя и задыхаясь. Он смотрел на корабль.

Капитан корабля оказался перед страшным выбором. Остановиться и попытаться спустить шлюпку — и разбиться о рифы, погубив весь экипаж. Или уйти в открытое море, переждать шторм, но оставить человека на острове.

Мохаммед видел, как корабль медленно, очень медленно разворачивается. Он видел борьбу на палубе. Он понимал. Он не злился. Как он мог злиться? Они тоже хотели жить. У них тоже были семьи. Жёны, дети, которые ждали их дома.

«Аллах, — прошептал Мохаммед, падая на колени в мокрый песок. — Прости их, если они уйдут. И прости меня, если я останусь. Твоя воля — выше моей. Твой план — совершенен.»

Корабль дал длинный, протяжный гудок. Звук был таким громким и печальным, что, казалось, само небо содрогнулось. Это было прощание. Обещание. Или извинение.

Потом корабль повернулся кормой к острову и медленно, преодолевая волны, пошёл прочь. В открытое море. В безопасность.

Мохаммед смотрел, как он уменьшается. Белый парус стал точкой. Точка исчезла в серой пелене дождя.

Шторм обрушился на остров со всей своей яростью. Ветер сгибал пальмы до самой земли. Дождь хлестал, как бич. Волны захлёстывали берег, смывая следы, костры, надежды.

Мохаммед укрылся в своей пещере. Он сидел в темноте, обхватив колени руками. Ему было холодно. Ему было страшно. Но больше всего ему было больно. Не физически. Душевно.

Он так близко был к спасению. Он почти почувствовал запах дома. Почти услышал смех детей. И всё это было отнято.

Но потом, в самой глубине его сердца, зажёгся свет. Маленький, но неугасимый.

«Я не один, — напомнил он себе. — Я никогда не был один. Корабль ушёл. Но Аллах остался.»

Он закрыл глаза и начал молиться. Не просить о спасении. Просить о принятии.

«О Аллах, если Ты оставил меня здесь, значит, здесь моя миссия. Если Ты не дал мне сесть на этот корабль, значит, у Тебя есть для меня другой путь. Я доволен Твоим решением. Я принимаю Твой приговор. Потому что Ты — Мудрый. Ты — Знающий.»

Когда шторм утих, наступило утро. Остров был изменён. Пальмы лежали на земле. Песок был вымыт до твёрдого слоя. Но источник на холме всё ещё бил. Пещера всё ещё стояла. И Мохаммед всё ещё дышал.

Он вышел из пещеры. Посмотрел на разрушения. И улыбнулся.

«Альхамдулиллях, — сказал он вслух. — За всё.»

С этого дня что-то изменилось в Мохаммеде. Он перестал смотреть на горизонт. Перестал искать корабли. Перестал жить будущим. Он начал жить настоящим. Здесь. Сейчас.

Он понял, что остров — это не тюрьма. Это его мир. Его аманат (доверенный залог) от Аллаха. И он должен заботиться о нём.

Мохаммед начал обустривать свой дом по-настоящему. Не как выживший, который ждёт конца. А как человек, который строит жизнь.

Он расчистил участок земли у подножия холма. Солнце там светило дольше всего. Он собрал камни, выкорчевал кустарники. Его руки покрылись мозолями, кожа обветрилась и потемнела. Но он не чувствовал усталости. Он чувствовал цель.

Однажды, гуляя по берегу после шторма, он увидел странную вещь. К берегу прибило большой пластиковый контейнер. Видимо, смыло с того самого корабля, или с другого судна. Мохаммед с трудом вытащил его на песок.

Внутри не было еды. Не было воды. Там были семена. Мешочки с семенами. Томаты, перец, какие-то зелёные культуры. И небольшая лопатка.

Мохаммед упал на колени и заплакал. Это было не совпадение. Это был прямой ответ. Прямая забота.

«Ризк (провидение) приходит оттуда, откуда ты не ожидаешь, — прошептал он, прижимая мешочки к груди. — Аллах не оставляет Своих рабов.»

Он посадил семена. Каждый день он носил воду из источника. Поливал их. Разговаривал с ними. Он знал, что растения слышат. Пророк (мир ему и благословение) говорил, что всё в этом мире прославляет Аллаха. Даже камни. Даже листья.

И семена проросли.

Мохаммед никогда не забудет тот день, когда он увидел первый зелёный росток, пробившийся сквозь тёмную землю. Он сидел перед ним часами. Смотрел, как он тянется к солнцу. Как он живёт.

«Ты тоже зависишь от Аллаха, — говорил он ростку. — Ты не можешь вырасти сам. Тебе нужна вода, солнце, почва. Всё это даёт Аллах. И я тоже. Мы с тобой братья в зависимости от Творца.»

Урожай был небольшим. Но он был. Мохаммед собрал первые помидоры. Они были маленькими, кислыми, но для него они были слаще мёда. Он разрезал один помидор на четыре части. Съел одну. Остальные оставил на завтра. Он научился ценить каждую крошку.

Его жизнь вошла в ритм. Ритм молитв, ритм приливов, ритм роста растений.

Утром — Фаджр. Потом работа. Обед — Зухр. Отдых в тени пальм. Аср — снова работа. Магриб — ужин, если был улов или урожай. Иша — долгие часы размышлений и чтения Корана.

Он начал писать. У него не было бумаги и чернил. Но у него были большие, широкие листья пальм и уголь от костра. Он писал аяты. Писал хадисы. Писал свои мысли.

Он создал свою библиотеку. Развесил листья на верёвках из лиан внутри пещеры. Когда ветер дул снаружи, листья шелестели, и пещера наполнялась звуком, похожим на шёпот ангелов.

Однажды к нему прилетела птица. Маленькая, с белым брюшком и серыми крыльями. Она села на камень у его ног и посмотрела на него. Мохаммед замер. Он боялся спугнуть её.

Он медленно протянул руку. Птица не улетела. Она прыгнула ему на ладонь.

Мохаммед заплакал. Он вспомнил историю о пророке Сулеймане (мир ему), который понимал язык птиц. Он не умел понимать их язык. Но он понимал их души. Они тоже творения Аллаха. Они тоже нуждаются в заботе.

Он назвал птицу «Худа» (в честь пророка Худа). Худа стала его спутником. Она прилетала каждое утро. Мохаммед крошил ей сушёную рыбу. Худа пела ему песни. Мохаммед слушал и улыбался.

«Мы оба чужаки здесь, — говорил он птице. — Но Аллах дал нам этот остров. И мы будем жить здесь мирно.»

Время шло. Месяцы. Может быть, годы. Мохаммед перестал считать дни. Счёт дней вёл к нетерпению. А он выбрал терпение.

Его тело изменилось. Он похудел, но стал сильным. Мышцы стали жилистыми, кожа — твёрдой, как кора дерева. Он ходил босиком по острым камням и не чувствовал боли. Его ноги знали каждый сантиметр острова.

Но главное изменение произошло внутри.

Мохаммед достиг состояния, о котором пишут суфии. Состояния *Фана* (растворения в воле Аллаха). Он перестал чувствовать себя отдельным от мира. Он чувствовал себя частью всего.

Когда шёл дождь, он чувствовал, как капли падают на его душу. Когда светило солнце, он чувствовал, как свет наполняет его сердце. Когда океан шумел, он слышал в этом шуме имя Аллаха.

«Аллах, — шептал он, глядя на звёзды. — Ты прекрасен. И Ты любишь красоту. Посмотри, что Ты создал. Этот остров. Этот океан. Это небо. Всё это — Твоё искусство. И я — часть этого искусства.»

Он понял, что счастье — это не отсутствие проблем. Счастье — это присутствие Аллаха в сердце.

Однажды ночью ему приснился странный сон. Он стоял на вершине холма. Но холм был не на острове. Холм был посреди огромного города. Вокруг него были люди. Тысячи людей. Они смотрели на него. Они плакали. Они смеялись. Они тянули к нему руки.

Мохаммед проснулся. Сердце билось ровно. Он понял, что это не просто сон. Это видение.

«Аллах, — прошептал он в темноту пещеры. — Если Ты хочешь, чтобы я вернулся к людям, я вернусь. Если Ты хочешь, чтобы я остался здесь, я останусь. Но если я вернусь, пусть моя жизнь будет полезной для них. Пусть мой опыт, моя боль, моё одиночество станут светом для них.»

Утром он вышел из пещеры. Худа сидела на камне и ждала его. Мохаммед погладил её по головке.

«Сегодня мы построим маяк, — сказал он птице. — Не из камней. Из слов. Из веры. Чтобы, если кто-то ещё заблудится в этом океане, он увидел наш свет.»

Он начал собирать камни. Большие, плоские камни. Он складывал их на самой высокой точке острова. Он не знал, как это сделать. Он не был инженером. Но он был верующим. А вера двигает горы. Или, по крайней мере, складывает камни в башню.

День за днём, камень за камнем, башня росла. Она была не идеальной. Она была кривой, грубой, но она стояла.

На вершине башни он развёл костёр. Не для того, чтобы его спасли. А для того, чтобы показать: здесь есть жизнь. Здесь есть надежда. Здесь есть человек, который не сдался.

Вечером, когда солнце садилось в океан, окрашивая небо в фиолетовые и золотые тона, Мохаммед сидел у подножия своей башни. Он смотрел на огонь.

Он был счастлив. По-настоящему, глубоко, абсолютно счастлив.

Он потерял всё, что имел в мире. Но он нашёл то, что действительно важно. Он нашёл себя. Он нашёл своего Господа.

«Аллах, — сказал он, глядя на первую звезду, зажегшуюся на небе. — Спасибо Тебе за этот остров. Спасибо Тебе за шторм. Спасибо Тебе за корабль, который ушёл. Спасибо Тебе за одиночество. Потому что в нём я слышал Твой голос.»

Ветер мягко коснулся его лица. Океан тихо плескался у берега. Худа уснула у него на коленях.

Мохаммед закрыл глаза. И уснул с улыбкой на губах.

Он знал, что завтра будет новый день. И что бы ни принес этот день, он будет готов. Потому что он был не один.

Аллах был с ним. И этого было достаточно.

Всегда было достаточно.

Глава 4

Время на острове не шло. Оно текло. Медленно, как густой мёд, или быстро, как вспышка молнии. Мохаммед перестал отмечать дни на коре пальм. Он понял, что календарь — это изобретение людей, которые боятся забыть. А он не боялся забыть. Он боялся только одного — забыть Аллаха.

Его жизнь вошла в глубокий, умиротворяющий ритм. Утро начиналось с прохлады. Он просыпался до рассвета, совершал омовение из ручья, вода которого была ледяной и бодрящей. Затем он поднимался на вершину холма, чтобы встретить Фаджр. Небо в это время было цвета индиго, постепенно переходящего в нежно-розовый. Он стоял, обращённый к невидимой Каабе, и его сердце билось в такт с дыханием океана.

После молитвы он занимался своим садом. Это было его главное дело. Земля на острове была вулканической, тёмной и плодородной, но она требовала заботы. Мохаммед научился чувствовать почву. Он знал, когда она хочет пить, а когда нуждается в отдыхе. Он разговаривал с растениями. Не как сумасшедший. Как отец, который говорит со своими детьми.

— Пейте, мои маленькие, — шептал он, поливая корни томатов и перца. — Аллах послал вам воду. Растите сильными.

Но испытание пришло неожиданно. Оно не пришло с громом и молнией. Оно пришло тихо, как вор.

Это был период, который Мохаммед называл «сезоном тишины». Океан стал спокойным, почти стеклянным. Ветер стих. Небо было безоблачным. Сначала Мохаммед радовался этому. Он мог спокойно ловить рыбу, собирать кокосы, не боясь штормов.

Но потом он заметил, что уровень воды в ручье начал падать. Сначала медленно, потом быстрее. Камни, которые всегда были скрыты под прозрачной водой, обнажились. Водоросли на них высохли и превратились в серую пыль.

Мохаммед почувствовал холодок в сердце. Он знал этот признак. Засуха.

Он удвоил свои усилия. Носил воду из дальних луж, которые ещё не высохли. Поливал сад по капле. Но солнце было беспощадным. Оно палило с утра до вечера, выжигая влагу из земли. Листья томатов пожелтели и скрутились. Перечные кусты сбросили цветы.

Однажды утром Мохаммед вышел к ручью и увидел, что он полностью пересох. Только мокрый песок напоминал о том, что здесь когда-то бежала вода.

Он сел на землю. Посмотрел на своё поле. Оно умирало. Месяцы тяжёлого труда, надежды, молитв — всё это высыхало на его глазах.

Внутри поднялась волна отчаяния. Не гнева. Мохаммед никогда не сердился на Аллаха. Но это была глубокая, щемящая боль. Боль потери. Боль бессилия.

«Почему?» — прошептал он. — «Я старался. Я молился. Я благодарил. Почему Ты забираешь у меня то, что дал?»

Он закрыл лицо руками. Плечи его дрожали. Он плакал. Не тихо, как раньше. Он рыдал. Громко, в пустоту, отдавая свою боль небу.

И в этот момент, сквозь слёзы, он вспомнил. Он вспомнил историю, которую читал в детстве, историю, которую знал наизусть, но которую никогда по-настоящему не чувствовал.

История пророка Айюба (мир ему).

Пророк, у которого было всё. Богатство, здоровье, большая семья, множество детей. И Аллах забрал у него всё. Всё до последней монеты, до последнего ребёнка. Его тело покрылось язвами. Люди отвернулись от него. Даже жена, единственная, кто остался, плакала от его боли. И он лежал на земле, в пыли, в агонии, и всё, что он мог сказать, было: «Господи! Воистину, беда коснулась меня, а Ты — Милостивейший из милосердных».

Он не спросил «почему». Он не потребовал объяснений. Он просто признал свою слабость и величие Аллаха.

Мохаммед медленно опустил руки. Вытер лицо. Посмотрел на высохший ручей.

«Прости меня, Господи, — прошептал он, и голос его был твёрдым. — Я забыл. Я думал, что этот сад — мой. Что этот урожай — моя заслуга. Я привязался к результату, а не к Тому, Кто даёт результат. Забирай. Это Твоё. Всё Твоё. Я доволен Твоим решением, как доволен был Твоим даром.»

Он встал. Не пошёл к саду. Пошёл к пещере. Сел и начал молиться. Не просить дождя. Просить силы принять засуху.

Прошёл день. Прошёл второй. Солнце продолжало палить. Земля трескалась.

На третий день Мохаммед проснулся от странного ощущения. Воздух изменился. Он стал тяжёлым, влажным. Он вышел из пещеры. Небо на горизонте было тёмным. Не чёрным, как во время шторма, а свинцовым, плотным.

Ветер донёс запах. Запах мокрой пыли. Запах, который знает каждый, кто живёт на земле.

Первая капля упала ему на лоб. Потом вторая. Третья.

Дождь.

Он не был сильным. Это был мелкий, морозящий дождь. Но он был. Мохаммед поднял лицо к небу. Открыл рот. Пил воду. Смеялся и плакал одновременно.

Дождь шёл весь день. Мягко, настойчиво. Он не разрушал. Он поил. Земля впитывала его, как иссохшая губка.

На следующее утро Мохаммед пошёл к саду. Он боялся смотреть. Но когда он подошёл, он замер.

Земля была тёмной и влажной. А среди пожухлых листьев пробивались новые ростки. Маленькие, зелёные, невероятно яркие. Они не просто выжили. Они ожили с новой силой.

И тут Мохаммед заметил кое-что ещё. Ручей. Он не просто наполнился. Он изменил русло. Теперь он тек не по старому пути, а прямо к его саду. Вода бежала по поверхности, питая корни.

Мохаммед упал на колени. Прижался лбом к мокрой земле.

«СубханАллах, — шептал он. — Ты не просто дал воду. Ты изменил путь воды ради меня. Ты услышал моё молчание. Ты принял моё смирение.»

Он понял великий урок. Урок, который невозможно выучить в комфорте города. Урок о том, что потеря — это часто замаскированный дар. Когда Аллах забирает у вас что-то, Он часто готовит для вас что-то лучшее. Но вы должны быть терпеливы. Вы должны доверять.

После этого дня Мохаммед изменился ещё глубже. Он перестал беспокоиться о завтрашнем дне. Он понял, что его ризк (провидение) гарантирован. Его задача — не накапливать, а быть достойным сосудом для милости Аллаха.

Он начал строить. Не просто хижину для защиты от дождя. Он начал строить дом. Настоящий дом. Из глины, камней и дерева. Он плёл стены из веток, обмазывал их глиной, смешанной с сухой травой. Крышу он покрыл большими пальмовыми листьями, уложенными внахлест, чтобы дождь стекал по ним, как по черепице.

Это был тяжёлый труд. Его руки были в мозолях и царапинах. Спина болела. Но он пел. Он всегда пел или читал Коран, когда работал. Голос его эхом разносился по острову, смешиваясь с шумом прибоя.

Птица Худа была всегда рядом. Она приносила ему веточки, соломинки. Мохаммед смеялся: «Ты думаешь, ты строишь дом, Худа? Ты просто воруешь мой материал для своего гнезда!» И птица чирикала в ответ, будто соглашаясь.

Однажды, копая яму для столба фундамента, его лопата (заострённый камень, привязанный к палке) ударилась о что-то твёрдое. Мохаммед откопал это. Это был большой, гладкий камень. Но он был не природным. На нём были вырезаны символы.

Мохаммед осторожно очистил камень от земли. Это был круг. Внутри круга — звезда. А вокруг — надписи. Он не знал этого языка. Но он чувствовал энергию этого камня.

Он отнёс камень в свою пещеру. Поставил его у входа. Это было напоминанием. Напоминанием о том, что он не первый человек, который ступил на эту землю. Кто-то был здесь до него. Кто-то молился, жил, страдал, надеялся. И исчез.

«Всё на земле исчезнет, — подумал Мохаммед. — Останется только Лик Твоего Господа, Обладающего величием и щедростью.»

Эта мысль не пугала его. Она освобождала. Зачем бояться смерти, если смерть — это просто переход к Вечному? Зачем цепляться за этот мир, если этот мир — лишь тень?

Он закончил свой дом к концу «сезона дождей». Это было простое, но уютное строение. Одна комната. Очаг в центре. Окно, выходящее на океан. Дверь, которую можно было закрыть изнутри.

В первую ночь, когда он спал в своём новом доме, он почувствовал себя в безопасности. Не физической. Духовной. Он знал, что стены защищают его от ветра, но только вера защищает его от отчаяния.

Он лежал на циновке, сплетённой из пальмовых листьев. Слушал, как ветер шумит в кронах деревьев. И думал о своей семье.

Он скучал по ним. Больно, до слёз. Но эта боль изменилась. Раньше это была тоска, которая разъедала его изнутри. Теперь это была тихая, светлая грусть. Он молился за них. Просил Аллаха беречь их, направлять их, делать их счастливыми. И он знал, что его молитвы доходят. Потому что молитва искреннего сердца, особенно сердца, очищенного одиночеством, не имеет преград.

«О Аллах, — шептал он в темноту. — Если я должен вернуться к ним, сделай меня лучшим отцом и мужем. А если я должен остаться здесь, сделай меня лучшим рабом Твоим. Я доволен. Я полностью доволен.»

И он уснул. Глубоким, спокойным сном. Без сновидений. Без тревог.

Утром его разбудил не крик петуха (петухов здесь не было), а шум. Странный, ритмичный шум. Мохаммед вышел из дома.

На берегу, там, где песок был влажным от прилива, лежало что-то большое. Это был не камень. Это был ствол дерева. Огромный, вырванный с корнем баобаб или пальма, принесённый течением издалека.

Но Мохаммеда интересовало не дерево. Его интересовало то, что застряло в его корнях.

Это была сеть. Рыболовная сеть. Старая, порванная, но всё ещё крепкая. А рядом с ней — несколько пластиковых бутылок. Пустых. Но целых.

Мохаммед рассмеялся. Громко, от всего сердца.

«Аллах, Ты не перестаёшь удивлять меня! — воскликнул он. — Ты послал мне дерево, чтобы я мог строить лодку. Ты послал мне сеть, чтобы я мог ловить рыбу в глубокой воде. И Ты послал мне бутылки, чтобы я мог хранить пресную воду!»

Он тащил всё это к своему дому. Работа кипела. Он был полон энергии. Он чувствовал себя не выжившим, а творцом. Аллах дал ему материалы, а он, с помощью Аллаха, создавал из них пользу.

Он починил сеть. Связал порванные места лианами. Он сделал из бутылок контейнеры для воды, отрезав горлышки и запечатав их смолой от деревьев.

И он начал строить лодку. Настоящую лодку. Не ту маленькую, что он сделал раньше. Большую, устойчивую. Он использовал ствол дерева как киль. Доски он вырезал из более мягких пород, найденных в глубине острова. Он конопатил щели мхом и смолой.

Это заняло месяцы. Но он не торопился. Он наслаждался процессом. Каждое движение топором (который он сделал из острого камня и тяжёлой ветки) было молитвой. Каждый узел был зикром.

Когда лодка была готова, она была красивой. Грубой, но красивой. Она лежала на берегу, как спящий зверь, готовый к прыжку.

Мохаммед спустил её на воду. Она покачнулась, но не перевернулась. Он сел в неё. Оттолкнулся веслом.

Он выплыл за рифы. Впервые за всё время. Океан был огромным. Бескрайним. Пугающим и величественным одновременно.

Он сидел в своей маленькой лодке посреди этой синей пустыни. И он не чувствовал себя маленьким. Он чувствовал себя частью этого величия.

«О Аллах, — сказал он, глядя на горизонт. — Я не плыву, чтобы спастись. Я плыву, чтобы увидеть Твоё творение. Я плыву, чтобы узнать, что там, за горизонтом. Если Ты хочешь, чтобы я вернулся — Ты пошлешь ветер. Если Ты хочешь, чтобы я вернулся к берегу — Ты пошлешь шторм. Я в Твоих руках.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.